А.Е. Лебедев [6, с. 124] вообще высказал мнение, что исполнителя и соисполнителя следует считать самостоятельными видами соучастников, а часть 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации следует исключить.

Нам же представляется наиболее разумным и обоснованным, на основании изложенного в настоящей статье, дополнить часть 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации следующим положением: «за исключением случаев, когда неспециальный субъект совершил преступление в составе группы и исполнил объективную сторону преступления, а значит является исполнителем наряду со специальным субъектом преступления».

Таким образом, так называемые специальные составы преступлений делятся на две группы: 1) составы, объективную сторону которых может совершить любое лицо; 2) составы, объективную сторону которых может совершить сугубо специальный субъект.

Получается, что в текущем уголовном законодательстве, допущен пробел, об этом говорят в своих публикациях многие ученые уже на протяжении десятка лет, благодаря которому фактическое совершение преступления расходится с его юридическим пониманием, что позволяет необоснованно смягчать уголовную ответственность.

Юридическое совершение преступления возможно, если объективная сторона состоит в выполнении действий, которые можно совершить, лишь обладая определенными полномочиями, где исполнителем преступления может быть только специальный субъект, но его соисполнителем почти всегда может оказаться любое лицо.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Президиума Вологодского областного суда от 22 ноября 2010 г. № 44-у-74 [Электронный ресурс]. URL: http://sudpraktika.com/sudtext5/sudobur_83175.htm. (дата обращения: 21.09.2020).
3. Кассационное определение Липецкого областного суда от 19 октября 2010 г. по делу № 22-1405/2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/obsh/1891> (дата обращения: 21.09.2020).
4. Арутюнов А. Проблемы ответственности соучастников преступления // Уголовное право. 2011. № 3. С. 11-14.
5. Белокуров О. В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом: актуальные проблемы (на примере присвоения и растраты) // Следователь. 2013. № 5. С. 18-22.
6. Лебедев А. Е. Соисполнитель как самостоятельный вид соучастника преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1. С. 119 - 124.

Бахтиярова Э.Р.

Некоторые вопросы, связанные с толкованием признаков специального субъекта преступления

*ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-218

idsp: ljournal-11-2020-218

*Научный руководитель
Ситдикова Г.З.*

Аннотация

В статье рассматривается проблема, связанная с тем, что существует группа преступлений, субъектами которых выступают лица с законодательно необозначенными дополнительными признаками, обосновывается то заключение, что

уголовно-правовое значение законодательно необозначенных признаков специального субъекта - быть криминообразующими признаками состава преступления.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, признаки субъекта, толкование закона.

Abstract

There is a group of crimes the subjects of which are persons with legislatively non-specified additional features. Legal effect of legislatively non-specified features of a specific subject is - to be crime - forming features of corpus delicti.

Keywords: interpretation of law, special subject of crime, features of a subject.

Субъект преступления является обязательным и неотъемлемым элементом состава преступления, без которого невозможна его квалификация. В теории уголовного права субъект преступления принято подразделять на общий (признаки возраста и вменяемости, закрепленные в статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации[2]) и специальный, то есть наделенный теми или иными дополнительными признаками.

Признаки специального субъекта всегда должны быть закреплены в диспозициях статей Особенной части уголовного закона, однако не всегда должны носить исчерпывающий характер, то есть, если диспозиция статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет в качестве специального субъекта преступления должностное лицо, в ней не расшифровывается понятие должностного лица.

В литературе неоднократно было отмечено, что «дополнительные признаки специального субъекта преступления, ограничивают возможность привлечения к уголовной ответственности иных субъектов» [6, с. 23].

Год от года Уголовный кодекс Российской Федерации дополняется новыми составами преступлений со специальным субъектом и как следствие в судебной практике возникают проблемы толкования новых правовых норм уголовного права, применительно к новым составам преступлений.

На наш взгляд, если подобные проблемы возникают на уровне правоприменения, значит их корень находится на законодательном уровне.

Например, введенная в 2012 году статья 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации не содержит расшифровки специального субъекта ни в названии, ни в диспозиции, что повлекло за собой соответствующую полемику как в среде ученых, так и практиков, то есть возникли различные точки зрения на вопрос определения специального субъекта.

Согласно первой точке зрения, субъектом данного преступления может быть только лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью[8, с. 26]. Согласно другой, им может быть и тот, кто занимался такой деятельностью незаконно, то есть без регистрации, то есть фактически любое лицо, достигшее возраста 16 лет. Верховный Суд Российской Федерации высказал свою позицию по данному вопросу следующим образом, «виновным в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности признается лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем, в случае совершения преступления в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности» [4].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. №32-П[3] статья 159.4 была исключена из Уголовного кодекса Российской Федерации, что лишний раз подтвердило ее неработоспособность и абсурдность.

Следующая проблема определения специального субъекта преступления связана с «административной преюдицией». Проблема квалификации подобных преступлений состоит в определении временного фактора, то есть когда было совершено административное правонарушение, до или после вступления соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации в законную силу.

Например, в соответствии с диспозицией статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» субъект преступления должен обладать следующими специальными признаками: управлять транспортным средством; принять алкоголь сверх допустимой дозы; ранее подвергнуться административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, либо иметь судимость частям 2, 4 или 6 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На первый взгляд все понятно, в соответствии со статьей 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года после окончания исполнения административного наказания. Однако у судов возникли вопросы по применению статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в связи с чем Верховный Суд Российской Федерации дал следующее разъяснение: «административное наказание, назначенное лицу до 1 июля 2015 года, учитывается, если на момент совершения нового правонарушения не истек срок, установленный ст. 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, поскольку лицо, подвергнутое административному наказанию за указанное правонарушение до 1 июля 2015 года, совершая аналогичное правонарушение после 30 июня 2015 года, осознает, что совершает тем самым уголовно наказуемое деяние, запрещенное статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5].

Однако исходя из данной позиции Верховного Суда Российской Федерации сразу возникает вопрос о запрете обратной силы уголовного закона, предусмотренном в статье 10 Уголовного кодекса Российской Федерации. Те авторы, кто считают данный подход высшей судебной инстанции противоречием, убеждены, что квалификация по данной статье возможна только в случае совершения административного правонарушения после вступления уголовно-правовой нормы в силу.

Согласно части 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением» [1].

Но здесь идет речь о недопустимости обратной силы закона о правонарушении определенной отрасли права, нельзя, на наш взгляд, смешивать нормы об уголовной, налоговой, гражданской и административной ответственности, в противном случае в Российской Федерации был бы принят и действовал единый кодекс о правонарушениях. Поэтому, полагаем, что следует согласиться с позицией Верховного Суда Российской Федерации, так как в данном случае нет противоречий с нормами статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и нормами Конституции Российской Федерации.

Некоторые полагают, что применение «административной преюдиции» стирает границу между административным и уголовным правом [7].

Однако, общеизвестно, что трансформация личности большинства преступников начинается с совершения ими административных правонарушений, сначала малозначительных, потом все более и более тяжких. Также и в дальнейшем, совершение грабежей, зачастую приводит к нанесению в дальнейшем телесных повреждений различной степени тяжести и так вплоть до совершения убийства.

Вместе с тем мы считаем, что вводя в Уголовный кодекс Российской Федерации рассмотренные выше составы преступлений законодательно необходимо было уточнить момент приобретения лицами статуса специального субъекта.

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. 4 июля. № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134843/ (дата обращения: 15.09.2020).
4. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70426966/> (дата обращения: 15.09.2020).
5. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с Постановлением Конституционного Суда от 11 декабря 2014 года №32-П и статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. (Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 31 июля 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php> (дата обращения: 18.09.2020).
6. Иногамова-Хегай Л. В. Соучастие частного лица в преступлении со специальным субъектом // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. С. 22 - 26.
7. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2020).
8. Обшивалкина И. В. Квалификация мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Законность. 2015. № 2. С. 25 - 28.

Брик К.И., Вилкус О.И., Громыко П.В., Михеева А.А., Малышева Д.И., Терещенко Н.В.

Ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-219

idsp: ljjournal-11-2020-219

Аннотация

В статье поднимается проблема определения границ действия иммунитета при обращении взыскания на единственное жилье гражданина-должника, анализируются подходы, используемые в судебной практике, предложены варианты решения данной проблемы.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, гражданин-должник, единственное жилье.

Abstract

The article raises the problem of determining the limits of immunity when foreclosing on the only housing of a debtor, analyses the approaches used in judicial practice, and suggests solutions to this problem.

Key words: immunity, debtor, housing.